

В.А. Карелин, А.В. Репневский

**ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ САВИЦКИЙ
И ПРОФЕССОР ОЛАФ БРОК:
ПЕРЕПИСКА ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ (1916–1958)**

Петр Савицкий и Олаф Брок познакомились в разгар Первой мировой войны. Норвежец Олаф Брок был уже известным ученым, профессором Университета Христиании, возглавлявшим впервые созданную в Норвегии университетскую кафедру славянских языков; специалистом, завоевавшим признание европейских лингвистов, автором множества выступлений в печати о России и русских, переводчиком сочинений Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. Петр Савицкий только начинал свой путь в науке, будучи студентом экономического отделения Петроградского политехнического института, и был командирован в Христианию летом 1916 г. в качестве помощника посланника российской дипломатической миссии К.Н. Гулькевича. Позже, в период эмиграции, он стал широко известен как один из основателей евразийства. С тех пор они установили и поддерживали дружеские отношения в течение более 40 лет.

Это нашло отражение в переписке, которая длилась с 1916 по 1958 г. с перерывом на Вторую мировую войну и пребывание Савицкого в заключении в СССР. Письма П.Н. Савицкого хранятся в отделе рукописных материалов Норвежской национальной библиотеки в Осло, в личном фонде профессора Олафа Брока. В Национальной библиотеке Чехии в Праге, составной частью которой является знаменитая Славянская библиотека, сохранились письма Олафа Брока П.Н. Савицкому. Выявленные документы — ценный источник для изучения российско-норвежских научных, общественно-политических и культурных связей XX столетия. Они могут представлять исследовательский интерес для историков, филологов и широкой научной общественности. В настоящей статье авторы попытались дать обзор документов и сделать из него некоторые заключения и выводы.

Ключевые слова: российско-норвежские научные связи.

V.A. Karelin, A.V. Repnevsky

**PETR NIKOLAYEVICH SAVITSKY AND PROFESSOR OLAF BROCH:
LIFELONG CORRESPONDENCE (1916–1958)**

Petr Savitsky and Olaf Broch met each other at the height of the First World War. The Norwegian scientist was already a well-known scientist, professor at the University in Christiania. He headed the university chair of the Slavic languages. It was first created in Norway due to Broch's initiative. Broch won the recognition among European linguists. He wrote beside a lot of popular articles for newspapers and journals about Russia. And he is known as a translator of Leo Tolstoy's and Fyodor Dostoyevsky's novels. Petr Savitsky was just in the very beginning of his career in science as a student of the economic department of the

Petrograd Polytechnic Institute. He was sent to Christiania in summer 1916 as an assistant of Russian diplomatic mission's envoy K.N. Gulkevich. Later, during emigration period, Petr Savitsky became broadly known as one of those who established Eurasian theory. Professor Broch and Petr Savitsky have kept friendly relations for more than 40 years.

This factis reflected in their correspondence since 1916 till 1958. It lasted with breaks for the Second World War and Savitsky's stay in prison in the USSR. Letters by P.N. Savitsky are kept in the manuscript department of the Norwegian National Library in Oslo, in the personal papers of Professor Olaf Broch. Letters by Olaf Broch to P.N. Savitsky are placed in Slavic Library in Prague — the integral part of the National Library of the Czech Republic. These documents may serve as a valuable source for the study of Russian-Norwegian scientific, socio-political and cultural ties of first half of the twentieth century. The publication can be of research interest for historians, philologists and the broad academic community. Authors made attempt to review documents and draw some conclusions and observation.

Keywords: Russian-Norwegian scientific ties.

Трудно представить себе более непохожих людей, чем Петр Савицкий¹ и Олаф Брок². Один в годы Первой мировой войны был юным студентом (21 год) экономического отделения Петроградского политехнического института, начинавшим свой путь в науке. А другой — зрелым, почти сорокалетним человеком; известным ученым, профессором Университета Христиании, возглавлявшим впервые созданную в Норвегии университетскую кафедру славянских языков; специалистом, завоевавшим признание европейских лингвистов, автором множества выступлений в печати о России и русских, переводчиком сочинений Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского.

И тем не менее их надолго связали дружеские отношения, отразившиеся в переписке. Она началась еще в разгар Первой мировой войны и русской революции и с некоторыми перерывами длилась до конца 1950-х годов. Ныне их письма служат одним из источников для изучения российско-норвежских научных, общественно-политических и культурных связей прошлого, XX столетия. В них отражены как широкие научные интересы и сложившаяся дружба авторов, так и события современной им политической эпохи, драматически сказавшиеся на личной судьбе.

В настоящей статье мы попытаемся дать обзор документов и сделать из него некоторые заключения и выводы. В нашем распоряжении — копии писем П.Н. Савицкого проф. Брокю. Оригиналы хранятся в Норвежской национальной библиотеке в Осло³, в отделе рукописных материалов в личном фонде профессора-слависта⁴. Выявленные сохранившиеся письма Савицкого датированы с 1916 по 1958 г. Доступ авторов к ним получен благодаря разрешению сына Петра Николаевича Савицкого — Николая

Петровича (проживающего в Праге) и любезному содействию сотрудницы библиотеки Анны Мельгорд.

В Славянской библиотеке в Праге — составной части Национальной библиотеки Чехии, где хранится редчайшее собрание книг и рукописей в области мировой славистики⁵, — удалось выявить при помощи ее сотрудника Лукаша Бабка письма и открытки Олафа Брока, адресованные Петру Савицкому. Все они датированы временем, когда П.Н. Савицкий уже вернулся в Чехословакию из СССР после освобождения из мордовских лагерей⁶.

Летом 1916 г. Савицкий был командирован МИД в Христианию помощником по коммерческим делам российского посланника К.Н. Гулькевича. Первое из писем Савицкого Броку датировано 9 августа 1916 г. Профессор свой летний отпуск традиционно проводил на родине, в уютном местечке Ньюкирке коммуны Хортен провинции Вестфолд. Там находился его отчий дом с небольшой усадьбой. Савицкий посетил профессора в Ньюкирке. Из содержания послания ясно, что молодой человек принялся изучать норвежский язык, поскольку перед ним стояла задача проштудировать местные печатные издания по экономике и статистические материалы по внешней торговле Норвегии. Семья Брока оказала русскому радушный прием, а сам профессор любезно помог найти в среде сотрудников университетской библиотеки наставника, готового помочь в изучении языка.

В письме Савицкий делился с Броком своими впечатлениями от посещения народного праздника во время поездки в Хортен. Простые норвежцы признались ему, что считают русских друзьями, а девушки учили танцам. С осени, когда в университете начались занятия, и вплоть до марта 1917 г. Брок и Савицкий продолжили знакомство и сотрудничество, постепенно переросшее в дружбу.

Важную роль при этом сыграл российский посланник в Норвегии К.Н. Гулькевич. Он убедил руководителей МИД в Петрограде в целесообразности более тесного политического и экономического сближения России и Норвегии («Русское дело в Норвегии» — по определению Гулькевича), причем не только в военные годы, но и на послевоенную перспективу. Это означало бы существенное повышение значения Норвегии для российской внешней политики, ранее весьма скромного.

Взгляды обаятельного и энергичного начальника разделял его молодой помощник по коммерческим делам и норвежский профессор⁷. Они желали участвовать в решении исторической задачи сближения двух стран.

В марте 1917 г. Савицкий вернулся в Петроград. С собой он вез собранные научные материалы и норвежские словари⁸. В столице в тревожные

октябрьские дни молодой ученый защитил кандидатскую диссертацию на тему внешней торговли Норвегии во время войны. Совет факультета по ходатайству старших коллег оставил молодого талантливого ученого при кафедре для приготовления к профессорскому званию. К.Н. Гулькевич, которого еще в мае 1917 г. перевели из Христиании в Стокгольм, был столь высокого мнения о научных способностях и личных качествах своего помощника, что настойчиво звал его в Швецию.

Но случилось иное. Драматический водоворот событий Гражданской войны увлек молодого ученого. Он выступил на стороне Белого движения, пережил его катастрофу и драму беженства. В конце 1919 г. Савицкий как специалист по экономическим вопросам в составе дипломатической делегации Главного командования Вооруженными силами Юга России был направлен в Париж⁹. Но его интерес к Норвегии не угас. На обратном пути 13 марта 1920 г. в Эгейском море с борта парохода “Circassie” (фр. «Черкесия») он отправил Броку письмо. О себе писал кратко, но трагически емко: «Я, как и полагается российскому интеллигенту по нынешним временам, мечусь по пространствам России и <...> вижу вокруг себя горе, безысходное горе»¹⁰. «Очень хотелось бы, — заключил автор, — чтобы наше общение возобновилось». Савицкому важно было знать, как все происходящее в России отразилось на отношении к ней норвежцев. За этим письмом, как можно предположить, последовала переписка, которая, к сожалению, в личном архиве Брока не выявлена или не сохранилась.

Весной 1920 г. Савицкий был в Крыму. Он стал помощником П.Б. Струве¹¹, который ранее был его профессором и научным руководителем в Петроградском политехническом институте. В середине ноября в связи с ликвидацией белого Крыма Савицкий эвакуировался на пароходе “Rione” из Севастополя в Константинополь¹². В конце января 1921 г. он по приглашению все того же П.Б. Струве переехал в Софию и занял пост технического редактора журнала «Русская мысль»¹³. Отсюда 8 апреля 1921 г. он отправил Броку письмо на бланке редакции¹⁴. Оно доказывает, что их связь по-прежнему сохранялась, и содержит сведения о заказе норвежского профессора на издания, которые Савицкий отправил ему почтой. В их числе оказались три журнальные книжки «Русской мысли» и сочинения П.Н. Миллюкова¹⁵ («История Второй русской революции»), С.Н. Булгакова¹⁶ («На пиру богов») и Н.С. Трубецкого¹⁷ («Европа и человечество»).

Эти сочинения Савицкий считал «выражением современной интеллигентской российской души» эмигрантов. Горький опыт Гражданской войны

и вынужденной эмиграции оказал сильное влияние на их умонастроения¹⁸. Савицкий, как и многие, пережил в тот момент глубокий идейный кризис и в результате постепенно отходил от западнического либерализма кадетов. Он и кружок его единомышленников находились в стадии формирования концепции евразийства. Савицкий ценил мнение Олафа Брока. Ему важно было узнать отношение норвежского профессора-слависта к новым идеям. «Какую реакцию, — писал Савицкий своему корреспонденту, — производят они в Вашем сознании?» Мы не знаем, к сожалению, что ответил ему проф. Брок. Копии ответных писем в личном фонде ученого не выявлены. (Возможно, что-то еще удастся обнаружить в личном фонде П.Н. Савицкого в ГАРФе¹⁹.)

В 1920–1930-х годах Брок и Савицкий продолжали поддерживать переписку. Их объединял интерес к процессам, происходившим в СССР, и неприятие идеологии и практики большевистского режима. И ими все еще владели надежды на его постепенное перерождение и изживание.

Иллюстрацией может служить письмо Савицкого Броку от 12 июля 1936 г.²⁰ Оно сохранилось в архиве последнего²¹. Поводом явилось издание в Берлине брошюры П.Н. Савицкого с осуждением разрушения в СССР храмов, некоторых памятников истории и культуры²². Обнадеживающим признаком казалась «реабилитация истории» — возвращение в образовательную программу систематического курса истории России в школах и вузах, а также принятие в 1936 г. новой Конституции СССР, отменившей ограничение политических прав граждан по социальному признаку. В этом, как они считали, проявился некоторый отход руководства ВКП(б) от «левацкого интернационализма». «Следует, — писал Савицкий, — признать реальность и значительность происходящих в СССР идеологических и психологических перемен»²³.

В Чехословакию Савицкий переехал из Болгарии еще в 1921 г. Здесь начался необыкновенно яркий, насыщенный научным творчеством, преподавательской работой и общественными делами период его жизни. Благодаря «русской акции» президента Т. Масарика²⁴ Савицкий смог стать приват-доцентом Русского юридического факультета в Праге. Кроме этого, он преподавал географию и экономику в Русском народном университете, Русском институте сельскохозяйственной кооперации, Русском свободном университете. Позднее Савицкий преподавал в Пражском немецком университете русский и украинский языки и руссиеведение. Из его писем Броку известно, что они встречались в Варшаве осенью 1934 г. на II Международном съезде славистов. Брок позднее вспоминал, что этот научный

форум был самый «шумный и сердечный», а Савицкий танцевал с дочерью профессора Марианной²⁵.

Круг друзей и единомышленников П.Н. Савицкого по евразийству в 1920–1930-х годах стал чрезвычайно широк. В него вошел и выдающийся лингвист и литературовед Р.О. Якобсон²⁶. В 1937 г. он получил чехословацкое гражданство. В 1930-е годы под влиянием Н.С. Трубецкого и П.Н. Савицкого Р.О. Якобсон примыкал к евразийству. А в 1938 г., принимая православие, он пригласил П.Н. Савицкого стать крестным отцом²⁷. Труды Якобсона по общей теории языка, фонологии, морфологии, грамматике, русскому языку, русской литературе, поэтике, славистике не могли не заинтересовать и проф. Олафа Брока. Так судьба тесно связала отношения всех трех ученых профессиональными интересами и дружбой.

В 1937 г. профессор оставил университетскую службу по возрасту, но продолжал выступать с лекциями, в том числе в Лондоне и Чехословакии. В 1938 г. он побывал в Праге, где вновь общался с Савицким и Якобсоном. В 1939 г., после оккупации Чехословакии, Р.О. Якобсон с семьей бежал в Данию, затем перебрался в Осло, где возобновил связь с О. Броком²⁸. В Норвегии Якобсон был избран действительным членом Академии наук, постоянным секретарем которой являлся профессор Брок²⁹, и работал в Институте сравнительной культурологии. После германской оккупации Норвегии Якобсон бежал в Швецию, а позднее сумел переехать в США.

В конце 1920-х — начале 1930-х годов Олаф Брок и группа скандинавских историков плодотворно работали в советских архивах. В этот период в круг научных интересов профессора входила и история пограничных отношений норвежцев на Русском Севере. В Славянском институте в Праге 3 июня он прочел лекцию «Встреча и сношения славянства и германства на берегах Ледовитого океана»³⁰. В ее обсуждении участвовал Савицкий. Его не случайно живо заинтересовал этот сюжет. Еще во время своей работы в Норвегии он разработал концепцию российско-норвежского экономического сотрудничества на Севере в послевоенный период³¹.

Мрачные годы германского протектората над Чехословакией и нацистской оккупации Норвегии, как и весь период Второй мировой войны, — относительно этого времени у нас нет сведений о переписке Савицкого и Брока. Известно лишь, что они оба резко отрицательно относились к нацизму и сочувствовали борьбе СССР против фашистской Германии. Престарелый профессор (ему шел 78-й год) из оккупированной Норвегии 4 февраля 1944 г. решил обратиться в Стокгольм с письмом к советскому послу А.М. Коллонтай³². Он просил помочь ему связаться со шведским

МИД, чтобы спасти от призыва в германскую армию норвежских студентов и облегчить их бегство в нейтральную Швецию. Со стороны пожилого ученого, несомненно, это был рискованный шаг. Он, между прочим, подтверждает, что Брок, несмотря на идейные разногласия, относился к Александре Михайловне с уважением и доверием.

В мае 1945 г. пришла Победа. Германский рейх был разгромлен. Но Савицкий был арестован в Праге органами советской контрразведки и доставлен в Москву. 20 октября Особое совещание НКВД осудило его на десять лет³³. Он провел их в лагерях Мордовии и был освобожден только в 1955 г.³⁴ В январе 1956 г. Савицкий выехал из СССР и вернулся к семье в Прагу³⁵. Все время, пока он был оторван от семьи, тяготы ее содержания лежали на плечах его жены³⁶.

Тем временем в Европе произошли важные политические перемены. В условиях «холодной войны» старый либерал остался последовательным оппонентом советской внутренней и внешней политики. Это стало причиной ответной реакции Москвы. За резкую критику СССР в норвежской печати Олаф Брок был исключен из иностранных членов-корреспондентов АН СССР в 1949 г.³⁷

В 1956 г. профессор получил сведения о возвращении П.Н. Савицкого в Чехословакию и постарался наладить с другом и ученым переписку через «железный занавес». Он воспользовался своими связями в норвежском МИД. Сотрудник посольства в Праге Финне-Грэн³⁸ 4 октября писал Броку, что готов выполнить его просьбу. Но чтобы собрать сведения о Савицком, ему понадобится время³⁹. 31 октября он известил своего корреспондента, что не только нашел адрес Савицкого (Rooseveltova 27, Dejvice, Prague XIX), но и опустил в его почтовый ящик запечатанное письмо Брока⁴⁰. Норвежский дипломат одновременно переслал в Осло копию статьи Савицкого, опубликованной в СССР⁴¹. Для Брока это означало, что, несмотря на пережитые испытания, Савицкий имеет условия для продолжения творческой работы.

Опасение вскрытия его писем органами безопасности Чехословакии заставляло Савицкого быть сдержанным и ограничиваться лишь намеками, когда речь шла о политически рискованных темах. Его корреспонденту разумная осторожность была, увы, свойственна в меньшей степени. Но нужно учесть, что он отправлял письма в Прагу через норвежское посольство.

В первом своем письме — от 4 ноября 1956 г. — Савицкий признавался другу: «Чего я только не навиделся за истекшие 12 лет (так у автора письма. — В.К., А.Р.), прошел все круги Дантовой “Божественной комедии”»⁴².

Длительная неволя не сломила ученого и не заставила отказаться от убеждения в верности евразийского учения. Его критические по отношению к Западу взгляды выдержали во время пребывания в СССР испытание на прочность. В одном из стихотворений, сочиненном в лагере, П. Савицкий с иронией писал:

...Профессора и беллетристы
С усмешкой слушали меня:
Для них Нью-Йорк и Лондон — пристань
И лишь на Западе заря...
(1949)⁴³

В лагере Савицкий, по его словам, почти все время был культургом и библиотекарем, что давало доступ к книгам, советской периодической печати и радио. Поэтому, пишет он, «со всем напряжением моей души я продолжал научную работу». Не менее ценным стал для ученого широкий круг общения с советскими людьми: «У меня были, — пишет Савицкий, — буквально десятки тысяч интереснейших собеседников. И какие поразительные вещи я видел!»⁴⁴ Обнародовать в печати результаты своих наблюдений и размышлений он, конечно, не мог. Зато мог положиться на отличную память. Савицкий сочинял стихи и заучивал их наизусть. За годы несвободы, пишет он Брок, их накопилось множество.

Савицкого, в свою очередь, интересовало все, что произошло с О. Брок, не только в годы войны, но также за время его собственной вынужденной изоляции⁴⁵. Брок откликнулся немедленно. Письмо, датированное 13 ноября 1956 г., было переправлено, как он сам пишет, «косвенным путем» — через норвежское посольство⁴⁶. Этим же способом он предлагал воспользоваться и Савицкому. Преклонный возраст, проблемы со здоровьем («отказывают глаза и перо») не помешали автору на шести страницах (!) поведать другу обо всем пережитом за вынужденный перерыв в их общении (около 15 лет).

В «нелегкое время» гитлеровской оккупации Брок, как генеральный секретарь Норвежской академии наук, старался сохранить ее относительную независимость. Помогло то уважение, которым ученый пользовался с довоенных времен в германском научном мире. Профессор обоснованно полагал это своей заслугой. Выражением общественного признания стало награждение ученого на родине в 1946 г. орденом Св. Олафа⁴⁷.

«И вот кончилась война, — не без горечи пишет Брок, — мы все надеялись на лучшие дни, на новую, более благородную Россию, между прочим

<...> Да Вы сами знаете...» Известие о приговоре, вынесенном Савицкому в Москве в 1945 г., Брок встретил возмущенно. Он просил Савицкого в дальнейшей переписке сообщать ему по возможности больше деталей лагерной действительности: «Надеюсь, получить от Вас, — изливал негодование Брок, — верную, настоящую картину того “рая”, в который ввел и все больше вводит мир русский марксистско-ленинско-сталинский коммунизм бедных незащищенных людей»⁴⁸. Мысленно он обращался при этом к той «старой» России, которую знал и любил. «Оканчиваю <...> свои дни, — писал он Савицкому, — в дорогих воспоминаниях о той России, которая была моей — России Фортунатова, Ключевского, Чупровых и т.д., и прежде всего Константина Гулькевича, которого Вы так мило рисуете и воспеваете в своих стихах»⁴⁹.

Олафа Брока после отставки (и особенно смерти жены в 1955 г.) подерживали постоянная потребность в работе, общение с коллегами. Престарелый ученый сохранил ясность мысли, гражданский темперамент и живой интерес к политике. «Можно ли у Вас узнать, — писал он, — как действуют венгерские события на настроения в Чехословакии? Вы не можете представить себе, как высоко ходят повсюду волны гнева на кремлевских “господ” <...> А как в Праге? Куда делись те чехи, которые в свое время боролись в первых рядах?»⁵⁰

Савицкий, отвечая на вопрос Брока о предъявленных ему следствием в Москве обвинениях, указал на изданные им в эмигрантской печати статьи 1930–1932 гг. В них он резко критиковал методы (выделено автором) «сплошной» коллективизации в СССР, ибо они вели «к потере человеческих жизней и к большому ущербу по части материальных ценностей»⁵¹. Эти статьи и были «вменены» ученому при вынесении приговора в октябре 1945 г.

Лагерь стал для ученого не только испытанием на прочность убеждений, но и своего рода «университетом», давшим опыт узнавания духовных качеств советских соотечественников. Он писал: «В эти годы я был спасен — буквально любовью народной. Тысячи русских людей, находясь сами в очень тяжелых условиях, мне помогали, меня обслуживали, меня берегли. Рядовые русские люди проявили великое уважение к культуре. По гроб жизни я буду им за это благодарен»⁵². Личность и образованность П.Н. Савицкого производили и на лагерное начальство, и на заключенных «фантастическое впечатление»⁵³.

Савицкий сообщал Брок, что в Праге он вернулся к научной работе («вновь пишу прозой»): «Я усиленно занимаюсь проблемами сельско-

хозяйственной географии — одной из моих специальностей»⁵⁴. Условия работы оказались нелегкими. Опубликовать статьи в Чехословакии или СССР было затруднительно. Это удавалось сделать, как правило, не чаще, чем раз в год⁵⁵. Брок, который после войны сохранил связи с миром славистов, предложил Савицкому помощь — опубликовать его научные работы на Западе при посредничестве Якобсона.

Следующие строки ответного письма Савицкого говорят сами за себя: «Дорогой Олаф Иванович! Не знаю, как и выразить Вам мои горячие, пламенные, дружеские к Вам чувства»⁵⁶. Ученый кратко описал Броку свои теоретические работы 1920–1930-х годов, сделав акцент на открытом научном *методе* и приложив оттиски наиболее важных публикаций, в том числе с изложением выдвинутой им «периодической системой сущего». Все это он сопроводил шутивным примечанием: «Посылаю в знак любви и восхищения, но отнюдь не для прочтения». Впрочем, тут же выразил уверенность, что с помощью его *метода* не только российскую, но «и норвежскую историю можно было бы проработать с точки зрения ее “подъемов” и “прогибов”. Савицкий, совершенно очевидно, искал отзыва (и сочувствия) норвежского ученого (как россияеведа в широком смысле слова) на основные положения своей теории.

Всего через 9 дней (11 декабря) последовал ответ Брока⁵⁷. Профессор писал другу: «Большое спасибо за экономическую статью <...>, как и за две исторические работы. О Ваших взглядах имею уже давно некоторое понятие. Буду теперь углубляться по силе старых глаз и старого же ума». Письмо оказалось коротким, всего на полторы странички. Сказывался и почтенный возраст автора (ему было уже около 90 лет), и слабеющие силы («...не успеваю писать, силы убывают»). Но, как нам кажется, профессор предпочел вежливо уклониться от обсуждения основных положений евразийства. Мог ли старый норвежский либерал принять евразийские идеи русского друга, стремившегося если не оправдать, то понять истоки большевизма и определить российскую перспективу как путь, отличный от пути западной цивилизации? Такие взгляды прямо противоречили бы его убеждениям. Норвежский профессор как представитель западноевропейского либерально-буржуазного мира искал новые подтверждения старым, привычным взглядам на советский строй, который он и после 1953 г. отождествлял со сталинизмом. Брок не заметил и не понял (может быть, не успел понять) глубины изменений в СССР после 1953–1956 гг. Его представления имели тенденцию превратиться в консервативный стереотип, оторванный от менявшейся советской и международной реальности.

Вместо ответа Брок задал встречный вопрос о том, что его более всего волновало в тот момент. Савицкий ранее уже сообщил Броку, что судьба свела его в лагере, между прочим, с двумя норвежцами, принимавшими участие в войне на Крайнем Севере на стороне Красной армии. Оба выполняли задания в тылу немцев в Северной Норвегии, но позже были репрессированы⁵⁸.

Брок, узнав об этом, обратился к Савицкому: «Ваши печально-интересные сообщения прошу пополнить названиями и номерами тех лагерей, в которых держали Вас власти Советской России без сопротивления со стороны “свободной” Чехословакии 12 лет. Скажу, отчего желаю названий и чисел⁵⁹. Вернулся Харью. Написал книгу “Москва не знает слез” («Москва слезам не верит». — В.К., А.Р.), потрясающую нас своим простым рассказом. Особенно теперь, когда мощная волна негодования хватает (так в тексте. — В.К., А.Р.) весь мир из-за событий в Венгрии⁶⁰. А оказывается, что Х. (Харью. — В.К., А.Р.) бывал дневальным (в мордовском лагере. — В.К., А.Р.) у Вас!»

20 января 1957 г. Брок отправил Савицкому открытку о выполнении его личной просьбы. Профессор извещал «дорогого и милого друга» о небольшой посылке с гостинцами его семье (чай и шоколад) «на поминки старых незабвенных дней (!)», книгой датского ученого лингвиста⁶¹ для сына Петра Николаевича Николая, который углубленно изучал славянские языки. Брок просил также выяснить судьбу, а если удастся, и адрес знакомого — видного чешского ученого-слависта Иржи Горака, служившего послом Чехословакии в Москве (1945–1948)⁶². По поводу присланных Савицким публикаций евразийцев Брок вновь отозвался кратко и сдержанно: «Читаю с интересом то, что Вы мне послали (хотя с трудом — глаза!). К заключениям, сделанным на основании языка Добрил.[ова] Ев.[ангелия]⁶³ (Трубецкой⁶⁴ и Якобсон), можно было бы сделать известные возражения...»

Ответное письмо Савицкого датировано 8 февраля 1957 г.⁶⁵ Автор сердечно благодарил друга за посылку, угощения и книгу. Но вопреки желанию норвежского профессора вместо подробного воссоздания лагерной жизни Савицкий описывал природу и людей Мордовии. «Весь 1955 г. я бродил по холмам и долам Мордовии, — писал он, — среди лесов чудесной красоты. И на полях встречал немало прабабушек: сидит на пеньке прабабушка, а вокруг играют правнуки. А вот прадедов встречал меньше: мужскому поколению и русских, и мордвы нелегкая выпала судьбина...»⁶⁶ Далее автор упоминает, что с Харью он познакомился еще в Zubovo-Полянском районе Мордовии. Поселок, по его словам, располагался «на краю

огромного массива девственных, вековых лесов. «На расстоянии 50 км нет, — пишет Савицкий, — больше ни одного поселка. Но Харью этого, вероятно, не знал. Он плохо разбирался в географической обстановке». И неожиданно читаем: «Каждый славист в России Вас знает. А мне довелось общаться там с несколькими славистами!»⁶⁷ И это почти все о лагерной теме, которая так занимала профессора Брока.

Савицкий был весьма осторожен. Позднее прозрачным намеком объяснил: «Извините, что не пишу по прочим вопросам (здесь: острым, политическим. — В.К., А.Р.). Не себя берегу, семью». Вскоре подтвердилось, что основания для опасений имелись. Появление в 1960 г. во французской печати сборника его стихов привело к репрессиям со стороны властей⁶⁸. Однако обстановка в постсталинские годы уже заметно менялась. Выступление в защиту Савицкого представителей международной научной общности и некоторая либерализация политического климата заставили чехословацкого президента Антонина Новотного амнистировать опально-го ученого⁶⁹.

Савицкий со своей стороны более интересовался научными занятиями своего старшего товарища, расспрашивал о лингвистических изысканиях и научных публикациях; отправил ему 11 оттисков своих публикаций; рассказал о приезде в Чехословакию в конце января — начале февраля 1957 г. их старого знакомого и друга Р.О. Якобсона, о его успешных выступлениях с лекциями в Праге, Брно, Братиславе, Оломоуце, о встречах и беседах. «Мне кажется, — заметил Савицкий при этом многозначительно, — что здешние впечатления Романа Осиповича несколько односторонни. Он совсем не дошел до новых людей. А они есть и представляют немалую социальную силу»⁷⁰.

Эти слова следует связать с общественно-политическими переменами в СССР и мире в целом. С одной стороны, «холодная война» обострила идеологическое противостояние. С другой — 1956 г. стал поворотным. На XX Съезде КПСС были осуждены культ личности Сталина и массовые незаконные репрессии, начался процесс реабилитации. Наступила так называемая хрущевская «оттепель». Москва основой советской внешнеполитической доктрины провозгласила концепцию мирного сосуществования социалистической и капиталистической систем. СССР выступил с рядом мирных инициатив. С марта 1953 г. по январь 1958 г. численность Советской армии сократилась более чем на 2 млн человек.

Беспокойство за друга не оставляло и Олафа Брока. В открытке, датированной 14 февраля 1957 г.⁷¹, он не только известил о благополучном

получении 11 оттисков, посланных ему Савицким, но и с облегчением заметил: «Все мне (и моим) дорого и своим содержанием, и как доказательство, что никто и ничто не мешает (пока?) нашим сношениям. А именно, я начал бояться, что мои, по дурному обычаю, откровенные и резкие выражения повредят, может быть...»

Савицкий 25 декабря 1957 г. откликнулся на открытку Брока (от 7 октября 1957 г.)⁷² большим письмом⁷³. Хрущевская «оттепель» его вдохновляла. Савицкий испытывал по отношению к СССР сложные чувства. По свидетельству его сына (И.П. Савицкого), «отец очень увлекался развитием техники в Советском Союзе. Вообще все развитие Советского Союза казалось ему очень обнадеживающим не только в политическом смысле, но и по улучшению уровня жизни, развитию технического, развитию науки в области, ему близкой, — географических исследований, разведок богатств минеральных. Но немножко свободы бы не мешало»⁷⁴.

Савицкий оставался верным евразийским идеям, но при этом радовался успехам родины, гордился растущей популярностью в мире русского языка. А явления эти были, конечно, тесно связаны. Броку Савицкий писал: «Предмет Вашего пристального изучения, русский язык, в настоящее время распространяется в мире. Не говорю уже о здешних местах (Чехословакии. — В.К., А.Р.), где сейчас его учат и в начальной школе. Также на Западе его преподавание вводится во все большем числе школ. Его изучает все большее число людей. Об этом мне пишут и из Франции, и из Англии, и из США. Один мой друг из Америки, по характеру чуждый преувеличений, пишет, что по его наблюдениям русский язык уже стал вторым по распространенности языком в Соединенных Штатах...»⁷⁵

Трогательное сердечное отношение Савицкого к корреспонденту в Осло объяснялось в немалой степени тем, что труды норвежского профессора способствовали популярности русского языка, литературы и культуры. «Я горжусь Вами, мой дорогой старший друг, — пишет автор, — горжусь тем, что Вы сделали и продолжаете делать для изучения русского языка во многих его говорах и наречиях (отношу сюда также украинские и белорусские диалекты)!»⁷⁶

Представляется, что очевидные послевоенные успехи Советского Союза в науке, технике и на международной арене (особенно в постсталинский период)⁷⁷ стимулировали научную мысль Савицкого, характерной чертой научного мышления которого был универсализм. Об этом хорошо сказано в его стихотворении:

Мой рок, мой крест — универсальность,
Ее несу как некий груз,
Как надоевшую банальность,
Как звеня неизбывных уз.
Но мочи нет освободиться,
Нет сил не чують, не видать,
И не прикажешь не стремиться
Сознанию, жаждущему знать.

Савицкий с оптимизмом писал Брокку: «Продолжаю работать и мыслить в области всех своих специальностей — географии общей, географии экономической, истории, экономики и даже истории искусств». В конце года ученый, по его словам, готовил для чехословацкого управления геодезии и картографии работу по физической и экономической географии Советского Союза. И это в то время, когда материальное положение его семьи было непростым. Приходилось зарабатывать на жизнь переводами («они дают хлеб насущный»).

Профессор Брок, несмотря на слабое зрение, с профессиональным вниманием отнесся к оттискам исторических публикаций Савицкого. В письме от 2 марта 1957 г.⁷⁸ он шутивно писал в Прагу «о подъемном периоде в ритмиках...» своей семейной жизни: «Как видите, — обращался он к Савицкому, — присланные Вами работы дают отзвук в уме Вашего устарелого друга». История славянства послужила дополнительной почвой общих научных интересов и еще одним фактором профессионального сближения друзей. Демонстрируя отменную компетентность, Брок комментировал проведенный Савицким анализ географии в знаменитом древнерусском литературном сочинении: «Я набросился, первое дело, на Слово о п.[олку] Игореве⁷⁹. Вы очень удачно анализируете его географические указания», — писал он Савицкому⁸⁰. «С остальными оттисками, — обещал профессор своему корреспонденту, — буду справляться понемногу, в зависимости от состояния моих глаз». И вновь поменял тему на политическую, так волновавшую его всю жизнь.

Брок интересовался в особенности событиями в Чехословакии после того, как над ней опустился «железный занавес». Ученый остро переживал, как он считал, насильственный и недемократический приход в стране к власти коммунистов. Стоит помнить, что именно за свою критику он в 1949 г. был исключен из состава иностранных членов АН СССР. «Для меня, — писал он Савицкому, — в свое время очень близко стоявшего к Чехословакии, любившего и страну, и людей ее научных и культурных

кругов, коммунистическая Чехия и ее политика “за железным занавесом” остается загадкой, даже весьма несимпатичной».

Брок был уверен, что включение Чехословакии в число союзников Советского Союза окончательно отвернуло народ Норвегии («социалистов включительно») «от коммунизма, то есть марксистского взгляда на социалистическую программу». В этой связи профессор не скрывал, что его весьма заинтриговал намек в письме Савицкого на появление в Чехословакии неких «новых людей», которые якобы представляли «немалую социальную силу». Брока, по всей видимости, не оставляла надежда на возвращение стран советского блока в лоно либеральной демократии.

Однако Савицкого, который был ограничен в свободных суждениях на политические темы, в большей степени волновали новые работы профессора, посвященные славянским диалектам. В них он обнаружил подтверждение результатов своих исследований начала 1930-х годов — теории «евразийского языкового союза» как результата взаимодействия русского языка с рядом неславянских языков русского мира.

В письме от 20 мая 1958 г.⁸¹ Савицкий восторженно характеризовал исследование старшего друга, которое сам Брок скромно назвал «дополнением» к ранее выполненным публикациям, посвященным белорусскому диалекту «к югу от Вильно». Савицкий ценил в работе норвежского ученого-слависта «замечательную последовательность мысли, точность аргументации». «Я преклоняюсь, — писал он норвежскому другу, — перед силой Вашей научной памяти и свежестью Вашей мысли!»⁸²

«Скажу без преувеличения, — говорилось в письме далее, — эта Ваша “вещичка”, несмотря на ее небольшие размеры, привела меня в восторг! <...> Вы в Вашем “дополнении”, безусловно, без намерения обогащать “теорию евразийского языкового союза”, приносите такой же факт с западных рубежей русского мира (в широком смысле слова)», какой сам Савицкий выявил в начале 1930-х годов «на восточных границах русского мира с неславянскими племенами»⁸³.

Со своей стороны Савицкий с готовностью исполнял поручения профессора. Следуя его просьбе⁸⁴, он разыскал и выслал другу издание Яна Эйснера «Взник и початки словану»⁸⁵. И обещал выслать второй сборник этой серии после выхода в сентябре. В этот конверт Савицкий вложил и свой, как он назвал его, «сверхскромный» подарок. Это были 29 стихотворений из числа тех, которые автор сочинил в изгнании в 1945–1955 гг. и относил к философской лирике. Это письмо Савицкого оказалось последним, которое удалось найти в личном фонде Олафа Брока. 28 января

1961 г. патриарх норвежской славистики скончался. Через семь лет не стало и П.Н. Савицкого.

Что поддерживало долгие годы взаимную симпатию и интерес, уважение и дружбу двух ученых, несмотря на очевидные различия в происхождении, национальности, возрасте, идейных позициях, научной специальности и жизненном опыте?

Ответить на поставленный вопрос непросто, ибо Олаф Брок представлял традиционный тип западноевропейского интеллигента, убежденного в универсальности либеральных ценностей. П.Н. Савицкий же пережил процесс превращения умеренного российского либерала-западника в одного из основателей и горячих сторонников нового для России течения евразийства, основой взглядов которого явилось антизападничество, цивилизационное противопоставление и отрицание всеобщности буржуазной эволюции. Примечательно, что идеи Савицкого неожиданно приобрели в России начала XXI в. популярность и в некоторой степени реализуются в практике Евразийского экономического союза.

Однако, несмотря на все это, общего оказалось все же больше, чем можно было ожидать, поскольку оба исследователя с уважением относились к праву личности на свободу мысли и слова, на гражданское и политическое равенство. Оба разделяли веру в гуманистическое измерение общественного прогресса. Оба принадлежали интернациональному сообществу ученых, а поиск научной истины считали целью и смыслом своей работы. Отсюда проистекала сближавшая их преданность профессии и кропотливому труду. Их обоим выгодно отличала широта научных и культурных запросов. Славистика в широком смысле слова создала поле общих профессиональных интересов. Несомненно также, что, питая глубокие патриотические чувства, они верили в возможность экономического и культурного сближения народов России и Норвегии и были готовы многое для этого сделать.

Нельзя, наконец, не заметить, что не в последнюю очередь дружбу двух ученых скрепляло теплое, хотя и несколько идеализированное, отношение к памяти К.Н. Гулькевича. Одно из стихотворений, посвященное, по выражению Савицкого, «нашему незабвенному Константину Николаевичу»⁸⁶, он в письме процитировал Брок:

Какой чеканный, тонкий, нежный профиль,
Простой изысканный наряд,
Политик, чарователь и философ,
Вельможа, сноб и демократ.

Он эlegantен, как Петроний,
 В любой черте — аристократ.
 Но видит рост волны народной
 Его проникновенный взгляд...

* * *

¹ Петр Николаевич Савицкий (1895–1968) — сын черниговского помещика и члена Государственного совета Российской империи, географ, экономист, геополитик, культуролог, философ, поэт, политический и общественный деятель, один из основателей евразийства.

² Олаф Брок (норв. Olaf Broch, 1867–1961) — норвежский филолог, славист, основоположник описательной фонетики славянских языков, переводчик, историк, общественный деятель. Член Норвежской академии наук (1896), иностранный член-корреспондент Петербургской АН (1916), РАН (1917), АН СССР (1925).

³ Национальная библиотека Норвегии (норв. Nasjonalbiblioteket) — главная научная библиотека Норвегии, расположенная в городе Осло, основана в 1988 г.

⁴ Специальный читальный зал (норв. spesiallesesalen) обеспечивает доступ к частным архивным материалам, фотографиям, старым и редким изданиям, картам и тому подобным артефактам.

⁵ Národní knihovna ČR — Slovanská knihovna.

⁶ С 1945 по 1955 г. П.Н. Савицкий находился в заключении в СССР. Он отбывал срок в Дубравлаге (Мордовия) за антисоветскую деятельность во время Гражданской войны и в эмиграции. От лагеря Савицкого не спасло даже то, что накануне и в годы Второй мировой войны он выступал против фашизма. В 1954 г. он был переведен в Подмоскowie, в 1955 г. освобожден и реабилитирован. Из СССР уехал.

⁷ См. подробнее: Карелин В.А. Профессор Олаф Брок — друг либеральной России (из истории русско-норвежских культурных и общественно-политических связей начала XX столетия) // Баренц-сборник. 2013. Вып. 1 (1); 20-летие Баренцева Евро-Арктического сотрудничества: сб. ст. и материалов. Мурманск: МГТУ, 2013. С. 144–151; Карелин В.А. П.Н. Савицкий о перспективах сотрудничества с Норвегией на Русском Севере. Аналитическая записка помощника российского посланника в Христиании. 1916 г. (Документальная публикация) // Исторический архив. 2013. № 4. С. 139–144; Карелин В.А., Нильсен Й.П. Петр Николаевич Савицкий: «евразиец» в Норвегии // Наука из первых рук. 2014. № 6 (60). С. 30–41.

⁸ NBiO. № 337. Professor Olaf Broch papers. Письмо П.Н. Савицкого О. Броку от 2 декабря 1956 г.

⁹ Петр Николаевич Савицкий (1895–1968). Библиография опубликованных работ / Сост. и авт. введ. М. Байсвенгер. Прага, 2008. С. 25.

¹⁰ NBiO. № 337. Professor Olaf Broch papers. Письмо П.Н. Савицкого О. Броку от 13 марта 1920 г.

¹¹ Струве Петр Бернгардович (1870–1944) — русский общественный и политический деятель, экономист, публицист, историк, философ. Стронник правого крыла кадетской партии. В 1906–1917 гг. — преподаватель, доцент, экстраординарный профессор, заведующий кафедрой политэкономии, Санкт-Петербургского/Петроградского политехнического института. В апреле-мае 1917 г. — директор экономического департамента МИД. После октября 1917 г. — участник Белого движения. В правительстве генерала П.Н. Врангеля занимал пост начальника Управления иностранных дел.

¹² Петр Николаевич Савицкий (1895–1968). Библиография опубликованных работ. С. 25.

¹³ Там же. С. 26. («Русская мысль» — литературно-политический журнал, выходивший в Москве с 1880 г. ежемесячно; один из самых распространенных, закрыт большевиками в 1918 г. как буржуазный орган печати, далее печатался за рубежом — в Софии, затем в Праге и позже в Париже вплоть до 1927 г.).

¹⁴ NBiO. № 337. Professor Olaf Broch papers. Письмо П.Н. Савицкого О. Броку от 8 апреля 1921 г.

¹⁵ Милуков П.Н. История второй русской революции. София, 1921–1924. Вып. 1–3.

¹⁶ Булгаков С.Н. На пиру богов (диалоги) // Из глубины. М., 1918.

¹⁷ Князь Трубецкой Николай Сергеевич (1890–1938) — русский лингвист, философ и публицист евразийского направления. В 1920 г. эмигрировал в Болгарию, преподавал в Софийском университете, издал сочинение «Европа и человечество», в котором близко подошел к разработке евразийской идеологии. Обсуждение книги на софийском семинаре, в котором участвовали П.П. Сувчинский, Г.В. Флоровский, П.Н. Савицкий, привело к рождению евразийской идеологии, о чем было заявлено в сборнике «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1» (София, 1921).

¹⁸ Сын П.Н. Савицкого, И.П. Савицкий, вспоминал: «...особенно сильным было столкновение с Западом непосредственное, когда люди, которые раньше приезжали в Европу знатными иностранцами, и их принимали там совершенно иначе, они увидели этот Запад совершенно иначе. Вот когда они прибыли как беженцы, то их взгляд на европейский мир довольно резко поменялся у многих, надо сказать, что в худшую сторону» (сайт архива «Радио Свобода» (запись 2005 г.). URL: <http://archive.svoboda.org/programs/lived/2005/lived.082205.asp#mailit> (дата обращения: 22.12.2017)).

¹⁹ ГА РФ. Фонд П.Н. Савицкого. Ф. Р-5783.

²⁰ NBiO. № 337. Professor Olaf Broch papers. Письмо П.Н. Савицкого О. Броку от 12 июля 1936 г.

²¹ Это был ответ на письмо О. Брока от 29 июня 1936 г. (в личном архиве О. Брока не выявлено).

²² Разрушающие свою Родину (Снос памятников искусства и распродажа музеев СССР). Берлин: Издание евразийцев, 1936. 40 с. // Петр Николаевич Савицкий

(1895–1968). Библиография опубликованных работ / Сост. и авт. введ. М. Байсвенгер. Прага, 2008. С. 72.

²³ NBiO. № 337. Professor Olaf Broch papers. Письмо П.Н. Савицкого О. Броку от 12 июля 1936 г.

²⁴ Так называлась объявленная чехословацким правительством в 1921 г. программа помощи беженцам из России, вынужденным покинуть свою Родину после октябрьского переворота. Особый вклад в нее внес президент Томаш Масарик. Подготовка русских специалистов — инженеров, учителей, управленцев — считалась выгодной для Чехословакии, которая для защиты от германской угрозы нуждалась в восстановлении на восточной границе сильной России. Ожидалось, что в 1920-х годах Россия освободится от власти большевиков и ей понадобятся национальные кадры управления.

²⁵ Славянская библиотека. Прага. T-SAV 13, II. Письмо О. Брока П.Н. Савицкому от 13 ноября 1956 г.

²⁶ Якобсон Роман Осипович (1896–1982) — российский и американский лингвист и литературовед, один из крупнейших лингвистов XX в., оказавший влияние на развитие гуманитарных наук. В 1914 г. поступил на отделение славянской филологии историко-филологического факультета Московского университета, который окончил в 1918 г. В 1918–1920 гг. работал в Московском университете. В феврале 1920 г. выехал в Ревель в составе торговой делегации Центросоюза в качестве сотрудника РОСТА, а оттуда в июле того же года в Чехословакию как переводчик миссии Красного Креста, занимавшейся репатриацией военнопленных. Затем работал в советском полпредстве в Праге. 16 сентября 1927 г. уволен с этой должности как беспартийный, но продолжал работать в полпредстве до декабря 1928 г. В 1930 г. защитил докторскую диссертацию в Немецком университете в Праге. В 1931 г. переехал, преподавал в Университете Брно русскую филологию и древнечешскую литературу: в 1933–1934 гг. — ассистент, в 1934–1937 гг. — приглашенный профессор, в 1937–1939 гг. — доцент. В 1937 г. получил чехословацкое гражданство. В 1930-х примыкал к евразийству и его лидерам Н.С. Трубецкому и П.Н. Савицкому.

²⁷ Петр Николаевич Савицкий (1895–1968). Библиография опубликованных работ / Сост. и авт. введ. М. Байсвенгер. Прага, 2008. С. 43.

²⁸ Jangfeldt, Bengt (Stockholm). Roman Jakobson in Sweden 1940–41 // Cahiers de l'ILSL. 1997. № 9. P. 141–149. Здесь подробно описаны злоключения Р.О. Якобсона.

²⁹ Проф. Брок являлся постоянным (генеральным) секретарем Норвежской академии наук с 1924 по 1945 г. (Norskbiografiskeleksikon. URL: https://nbl.snl.no/Olaf_Broch).

³⁰ Петр Николаевич Савицкий (1895–1968). Библиография опубликованных работ / Сост. и авт. введ. М. Байсвенгер. Прага, 2008. С. 43.

³¹ Карелин В.А., Нильсен Й.П. Указ. соч. С. 30–41.

³² NBiO. № 337. Professor Olaf Broch papers. Письмо О. Брока А.М. Коллонтай от 4 февраля 1940 г. На нем пометка: «не отправлено».

³³ Приведенные статьи предусматривали наказания по УК СССР за контрреволюционные преступления.

³⁴ Петр Николаевич Савицкий (1895–1968). Библиография опубликованных работ / Сост. и авт. введ. М. Байсвенгер. Прага, 2008. С. 45.

³⁵ Там же. С. 46.

³⁶ Жена П.Н. Савицкого — Вера Ивановна Симонова. Сыновья: Николай Петрович Савицкий (филолог и переводчик), Иван Петрович Савицкий (историк).

³⁷ Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК. М.: МФД; Материк, 2005, С. 210–213.

³⁸ J. Finne- Grønn (норв.).

³⁹ NBiO. № 337. Professor Olaf Broch papers. Письмо J. Finne-Grønn О. Броку от 4 октября 1956 г.

⁴⁰ NBiO. № 337. Professor Olaf Broch papers. Письмо J. Finne-Grønn О. Броку от 31 октября 1956 г.

⁴¹ Вероятно, это была статья «Сельскохозяйственная география шестой пятилетки Советского Союза» (За социалистическую сельскохозяйственную науку. Серия Б: экономическая. 1956. Т. 5, № 3. С. 209–228).

⁴² NBiO. № 337. Professor Olaf Broch papers. Письмо П.Н. Савицкого О. Броку от 4 ноября 1956 г.

⁴³ См. на сайте: <https://history.wikireading.ru/50874> (дата обращения: 22.12.2017).

⁴⁴ NBiO. № 337. Professor Olaf Broch papers. Письмо П.Н. Савицкого О. Броку от 4 ноября 1956 г.

⁴⁵ Сообщать семье о себе П.Н. Савицкий мог, со слов И.П. Савицкого, только посредством переписки с сестрой, проживавшей в СССР (сайт архива «Радио Свобода». URL: <http://archive.svoboda.org/programs/lived/2005/lived.082205.asp#mailit> (дата обращения: 22.12.2017)).

⁴⁶ Славянская библиотека. Прага. T-SAV 13, II. Письмо О. Брока П.Н. Савицкому от 13 ноября 1956 г.

⁴⁷ Norsk biografisk leksikon. URL: https://nbl.snl.no/Olaf_Broch.

⁴⁸ Славянская библиотека. Прага. T-SAV 13, II. Письмо О. Брока П.Н. Савицкому от 13 ноября 1956 г.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ NBiO. № 337. Professor Olaf Broch papers. Письмо П.Н. Савицкого О. Броку от 2 декабря 1956 г.

⁵² NBiO. № 337. Professor Olaf Broch papers. Письмо П.Н. Савицкого О. Броку от 4 ноября 1956 г.

⁵³ См. также запись беседы с И.П. Савицким (2005) на сайте архива «Радио Свобода». URL: <http://archive.svoboda.org/programs/lived/2005/lived.082205.asp#mailit> (дата обращения: 22.12.2017).

⁵⁴ NBiO. № 337. Professor Olaf Broch papers. Письмо П.Н. Савицкого О. Броку от 2 декабря 1956 г.

⁵⁵ Петр Николаевич Савицкий (1895–1968). Библиография опубликованных работ / Сост. и авт. введ. М. Байсвенгер. Прага, 2008. С. 76–77.

⁵⁶ NBiO. № 337. Professor Olaf Broch papers. Письмо П.Н. Савицкого О. Броку от 2 декабря 1956 г.

⁵⁷ Славянская библиотека. Прага. T-SAV 13, II. Письмо О. Брока П.Н. Савицкому от 11 декабря 1956 г.

⁵⁸ По сведениям норвежского журналиста, писателя и историка Мартина Йен-тофта, Отто Ларсен (норв. Otto Larsen) был освобожден после смерти Сталина в октябре 1953 г. Освальда Харью (норв. Osvald Harjo) освободили после визита в Москву и встречи с Н.С. Хрущевым норвежского премьер-министра Эйнара Герхардсена в 1955 г.

⁵⁹ Славянская библиотека. Прага. T-SAV 13, II. Письмо О. Брока П.Н. Савицкому от 11 декабря 1956 г.

⁶⁰ Имеется в виду восстание против просоветского режима народной республики в Венгрии в октябре-ноябре 1956 г., подавленное советскими войсками. Венгерское восстание стало одним из важных событий периода «холодной войны».

⁶¹ Луи Тролле Ельмслев (дат. Louis Trolle Hjelmslev, 1899–1965): Prolegomena to a Theory of Language by Louis Hjelmslev, Francis J. Whitfield. Review by Paul L. Garvin // Language. 1954. Vol. 30. № 1 (Jan.–Mar.). P. 69–96.

⁶² Jiří Horák (1884–1975) — филолог и славист, знаток истории славянских литератур, фольклорист, этнограф, дипломат.

⁶³ Добрилово Евангелие — древнерусская кириллическая иллюминированная рукопись Евангелия-Апракос, созданная в 1164 г.

⁶⁴ Князь Трубецкой Николай Сергеевич (1890–1938) — русский лингвист, философ и публицист евразийского направления.

⁶⁵ NBiO. № 337. Professor Olaf Broch papers. Письмо П.Н. Савицкого О. Броку от 8 февраля 1957 г.

⁶⁶ NBiO. № 337. Professor Olaf Broch papers. Письмо П.Н. Савицкого О. Броку от 8 февраля 1957 г.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ По воспоминаниям И.П. Савицкого, «по всему, как все дело шло, я думаю, что это чисто местное. Тогда чешское руководство было более сталинистским, чем хрущевское руководство» (см. запись беседы с И.П. Савицким (2005) на сайте архива «Радио Свобода». URL: <http://archive.svoboda.org/programs/lived/2005/lived.082205.asp#mailit> (дата обращения: 22.12.2017)).

⁶⁹ Петр Николаевич Савицкий (1895–1968). Библиография опубликованных работ / Сост. и авт. введ. М. Байсвенгер. Прага, 2008. С. 46.

⁷⁰ NBiO. № 337. Professor Olaf Broch papers. Письмо П.Н. Савицкого О. Броку от 8 февраля 1957 г.

⁷¹ Славянская библиотека. Прага. T-SAV 13, II. Открытка О. Брока П.Н. Савицкому от 14 февраля 1957 г.

⁷² Не сохранилась в личном фонде П.Н. Савицкого в Славянской библиотеке (Прага).

⁷³ NBiO. № 337. Professor Olaf Broch papers. Письмо П.Н. Савицкого О. Броку от 25 декабря 1957 г.

⁷⁴ См. запись беседы с И.П. Савицким (2005) на сайте архива «Радио Свобода». URL: <http://archive.svoboda.org/programs/lived/2005/lived.082205.asp#mailit> (дата обращения: 22.12.2017).

⁷⁵ NBiO. № 337. Professor Olaf Broch papers. Письмо П.Н. Савицкого О. Броку от 25 декабря 1957 г.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Успешные испытания атомного оружия, первая в мире атомная электростанция, первый в мире атомный ледокол «Ленин», первый космический спутник и орбитальный полет Ю.А. Гагарина, возросший авторитет и влияние СССР в международных отношениях.

⁷⁸ Славянская библиотека. Прага. T-SAV 13, II. Письмо О. Брока П.Н. Савицкому от 2 марта 1957 г.

⁷⁹ О. Брок, между прочим, упоминает лектора русского языка в Университете Осло Клейбера Бориса Адольфовича (?-?) — мичмана военного времени, произведенного в офицеры по выпуску из Школы прапорщиков флота (1917) (*Волков С.В. Офицеры флота... М., 2004*).

⁸⁰ *Савицкий П.Н. «Литература факта» в «Слове о полку Игореве» // Vseslavenski Zbornik. Zagreb, 1930.* (См.: *Петр Николаевич Савицкий (1895–1968). Библиография опубликованных работ / Сост. и авт. введ. М. Байсвенгер. Прага, 2008. С. 62.*)

⁸¹ NBiO. № 337. Professor Olaf Broch papers. Письмо П.Н. Савицкого О. Броку от 20 мая 1958 г.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Не сохранилась в личном фонде П.Н. Савицкого в Славянской библиотеке (Прага).

⁸⁵ Эйснер (Eisner) Ян (1885–1967) — чехословацкий историк и археолог, академик АН ЧССР (1952). Профессор Карлова университета в Праге (1939–1957). Редактор сборников «Возникновение и начала славян». Основные исследования посвящены первобытной и древней истории Словакии, а также славянской археологии, в том числе проблеме этногенеза славян.

⁸⁶ Гулькевич Константин Николаевич (1865–1935) — российский дипломат, посланник в Христиании (февраль 1916 — май 1917) и Стокгольме (май 1917 — 1921).